

DOI 10.37386/2305-4077-2022-1-143-148

О. В. Пелевина¹*Самарский национальный исследовательский университет имени академика
С.П. Королева*

СВОЙ-ЧУЖОЙ «ПАН ОЛЕНСКИЙ»: РЕВИЗИЯ ОБРАЗА ВЕЧНОГО ЧУЖАКА В РАССКАЗЕ Р.Э. ЦИММЕРМАНА

В статье рассматривается реализация художественной оппозиции «свой-чужой» в рассказе Рейнгольда Эмильевича Циммермана «Пан Оленский». Используя историю жизни пленного поляка, волей судьбы вынужденного жить в Сибири конца XIX века, Р. Э. Циммерман показывает, как традиционный для русской литературы образ «вечного чужака» трансформируется, превращаясь в «своего чужого».

Ключевые слова: Р.Э.Циммерман, «Пан Оленский», польская тема, образ чужака, свой-чужой, русская литература рубежа XIX–XX веков, ревизия системы ценностей

O. Plevina*Samara National Research University*

«FRIEND OR FOE» «PAN OLENSKY»: REVISION OF THE IMAGE OF ETERNAL OUTSIDER IN THE STORY BY R. ZIMMERMAN

The article examines the actualization of the literary opposition «friend-foe» in the story of Reinhold Zimmerman «Pan Olensky» (“Mister Olensky”). Zimmerman, using the life story of a captive Pole, forced by fate to live in Siberia at the end of the XIX century, shows how the traditional for Russian literature image of the «eternal outsider» transformed, turning a «foe» into a «friend».

Keywords: R. Zimmerman, «Pan Olensky», Polish theme, eternal outsider, friend of foe, Russian literature turn of the XIX–XX centuries, revision of the value system

Имя писателя и публициста Рейнгольда Эмильевича Циммермана (1866–1900), расцвет недолгой творческой деятельности которого пришёлся на последнее десятилетие XIX столетия, принадлежит к числу имён забытых литераторов, долгое время отсутствовавших в исследовательском контексте, освещающем соответствующий период литературного развития. Начало возвращению имени положила недавно опубликованная в словаре «Русские писатели» статья М. А. Перепёлкина и Л. А. Соловьёвой о нём [Перепёлкин, Соловьёва, 2019], а также ряд наших совместных с М. А. Перепёлкиным публикаций, в которых рассматривались вопросы биографии и творчества Р. Э. Циммермана [Перепёлкин, Пелевина, 2021]. Таким образом, настоящая статья продолжает подхвачен-

¹ Пелевина Оксана Владимировна Пелевина – аспирант кафедры литературы Самарского национального исследовательского университета имени ак. С.П. Королева.

ную и продолженную нами попытку возвращения в историко-литературный контекст имени писателя, чьё присутствие в литературе не было особенно долгим, но, несмотря на это, оставило яркий след в творческих поисках немногих современников, без имён и произведений которых, было бы трудно представить литературу рубежа XIX–XX веков. Речь идёт о таких, писателях, как М. Горький, Н. Г. Гарин-Михайловский, Е. Н. Чириков, А. Н. Толстой и ещё некоторых других, знавших сочинения Р.Э. Циммермана, с разной степенью заинтересованности к ним относившихся, вступавших с ним в творческий диалог и т. д.

Предметом нашего рассмотрения в этой статье будет один из рассказов Р.Э. Циммермана, включённый в его книгу «Рассказы», подготовленную и выпущенную друзьями покойного писателя в Петербурге в 1903 году. В рассказе «Пан Оленский» Р.Э. Циммерман вывел образ польского подданного, волей судьбы вынужденного провести большую часть своей жизни в Сибири. Под «волей случая» здесь имеется в виду антироссийское восстание на территории Польского Царства, вспыхнувшее в середине XIX века. Как известно, после подавления восстания часть польских военных оказалась в российском плену и была разлучена с родиной. Таким образом, эта реальная историческая ситуация дала возможность автору «Пана Оленского» вывести на страницах рассказа образ «вечного чужака», интересовавший Циммермана, видевшего в судьбе героя рассказа созвучие не только со своей собственной биографией, но и с судьбой целого поколения чужаков в своём Отечестве, к которому он принадлежал.

История мировой культуры знает множество примеров обращения писателей, художников, музыкантов, философов к концепту «чужого». Протагонист, выступающий в оппозиции к миру, в котором он существует, нередко противопоставляется другим героям и самому миру по принципу «свой-чужой». «"Свое и чужое" – один из центральных концептов культурологии... Сопоставление данных концептов включает: осмысление "своего" на фоне "чужого"; "отстранение" своего и придание "личного" "чужому"» [Борисова, 2014, с. 219]. Инаковость персонажа может быть обусловлена внутренними отличиями героя от своего окружения (например, нестандартным мышлением, установками на прогрессивность или нигилизм) и внешними факторами. Одним из ярких примеров проявления внешнего отличия героя от своего окружения может стать его национальность и принадлежность к иной культуре. В литературе существует несколько приемов перемещения иностранца в чуждую для него реальность – путешествие, дипломатическая миссия, военный поход и ряд других. Но герой Циммермана не просто путешественник или дипломат, он – пленник и ссыльный, что делает его «чужест» ещё более подчёркнутой, акцентированной. В изображении «досибирского» прошлого героя автор «Пана Оленского» скуп и лаконичен, но и этих скупых деталей оказывается достаточно для того, чтобы дать понять, насколько чужероден польский аристократ Оленский всему, что стало его окружением в новой, ссыльной, жизни: «Оленский происходил из знатного дворянского рода. Только что, окончив курс в университете, он отправился за границу, но пробыл там не

долго. Началось польское восстание и его вызвали на родину. В восстании он, кажется, принимал очень деятельное участие, как член одного из тайных комитетов. В конце концов, он был арестован и сослан на каторгу и остался в Сибири уже навсегда» [Циммерман, 1903, с. 4]².

Здесь нелишним будет заметить, что польская тема уже давно присутствовала в русской литературе и культуре, впервые обозначившись в них ещё в XII веке. К XIX столетию в произведениях русских писателей прочно укрепился образ поляка-чужака, а нередко – и поляка-врага [см. об этом: Сетько, 2015]. Поэтому любое появление в литературном произведении героя с польскими корнями мгновенно превращало его в «чужого». Р.Э. Циммерман же, как уже было замечено выше, намерено усиливает это впечатление, называя персонажа не по имени, как остальных героев (Никон, Емелич), а по фамилии – Оленский, используя при этом традиционно-польское обращение «пан».

Противопоставление героя-чужака миру, в котором он существует, и населяющим этот мир героям, условно выступающим в качестве «своих», происходит в рассказе Р.Э. Циммермана по нескольким направлениям.

Так, рассказчик, от чьего лица ведётся повествование, описывая пана Оленского, несколько раз использует эпитет «оригинальный»: «Я взглянул на оригинальную фигуру Оленского», «вот с какой поистине оригинальной личностью свела меня судьба в маленькой, заброшенной далеко в тайгу сибирской деревушке». Что стоит за этой «оригинальностью» героя? А стоят такие его качества, как своеобразие, незаурядность, странность. Используя подобный эпитет при характеристике как внешних, так и внутренних особенностей своего персонажа, Р.Э. Циммерман утверждает непохожесть Пана Оленского на его окружение.

Пленный поляк и в самом деле сильно отличается своим образом мышления и моделью поведения от сибирских крестьян, с которыми живет в одном поселении долгие годы.

Первым его отличием, бросающимся в глаза рассказчику, является образованность Оленского. Как отмечалось выше, ещё до восстания, принадлежа к дворянскому роду, он успел некоторое время проучиться в европейском университете. По ходу рассказа автор несколько раз делает акцент на широком кругозоре Оленского. Так, подтверждая начитанность своего героя, Р. Э. Циммерман добавляет одну интересную деталь: свою собаку за задорный нрав Оленский называет Панглос. Эта кличка собаки отсылает к комическому герою Вольтера из романа «Кандид».

Кроме того автор отмечает, что в крохотной избе героя хранится несколько десятков книг. Образованность Оленского замечают и ценят и его односельчане, позволяя ему заниматься обучением грамоте своих детей и тем самым выделяя его фигуру на фоне остальных жителей поселения.

² Далее текст рассказа цитируется по этому изданию. Номер страницы указывается в круглых скобках после цитаты.

Вторым, не менее важным отличием героя от его окружения, становятся его увлечения. В свободное время, вместо привычных бытовых дел, Оленский упражняется в стрельбе: «Стены его крохотной, покосившейся избушки с темными, слепыми окнами, были сплошь испещрены пулями, последствием постоянных упражнений в стрельбе» [Циммерман, 1903, с. 4]. Никто из сибирских крестьян не позволил бы себе подобных занятий внутри дома. Но Оленский, ощущая внутреннюю свободу, волен в обычной жизни поступать так, как ему велит сердце, не обращая внимания на установленные кем-то нормы и правила поведения.

Все эти особенности пленного поляка, так явно бросающиеся в глаза и рассказчику, и читателю, не оставляют сомнений в том, что через фигуру Оленского Р.Э. Циммерман вывел в своем произведении образ чужака.

Наконец, интересно и то, как сам Оленский воспринимает свое положение в ссылке. Обычно в произведениях, делающих акцент на противопоставлении «свой-чужой», герой-чужак изображается как человек ностальгирующий по родине, задыхающийся на чужбине. Такой персонаж обычно тоскует по былым временам, живя прошлым, а не настоящим. Р.Э. Циммерман, казалось бы, нарушает эту традицию. Его персонаж, пан Оленский, утверждает, что свыкся со своей сибирской жизнью. Он не желает вернуться в родную страну, понимая, что там не осталось ничего, кроме старых воспоминаний: «Незачем теперь туда ехать... Было родное и ничего от этого родного теперь не осталось... Да и денег нет, чтобы доехать, а пешком теперь тяжело для меня... А главное незачем... и здесь такие же люди, как и там...» (с. 12).

Но так ли это на самом деле? Заметим, что автор ненавязчиво включает в рассказ несколько деталей, которые заставляют читателя сомневаться в искренности слов Оленского. Так, например, любимой песней героя является песня на стихи польского поэта Адама Мицкевича «К Неману». «К Неману» – это ностальгическое произведение, в котором лирический герой вспоминает о родине, детстве, друзьях, возлюбленной и жизни, давно ушедшей в прошлое. По словам охотника Никона, пан Оленский постоянно напевал эту песню, тем самым давая понять, что её содержание находило отклик в его душе.

Во-вторых, даже в обычной беседе мысли героя периодически возвращаются к родине: «Не помню, по какому поводу я коснулся Польши. Оленский начал мне возражать, увлекся и стал развивать план объединения Польши, посредством хитрой системы сплочения главнейших западноевропейских держав» (с. 7).

В-третьих, сам образ Оленского, его глаза как «зеркало души» красноречивее любых слов выдают рассказчику истинную боль пленного поляка: «Темные карие глаза печально выглядывали из-под густых седых бровей. В них проглядывало что-то скорбное – казалось какая-то никому неведомая, тайная печаль залегла где-то глубоко, глубоко, в тайниках его души, налагая на лицо печать постоянной, тихой грусти» (с. 8).

Таким образом, в рассказе «Пан Оленский» Р.Э.Циммерман показал сложный и неоднозначный образ «вечного чужака», изобразив некогда плененного воина, который сумел обжиться на чужбине, найти занятие по душе и научился жить без оглядки на прошлое. Однако при этом Оленский не разорвал ту невидимую нить, что связывала его с родиной. Где-то глубоко в душе героя всё еще

осталась тоска по родной стороне. И сколько бы времени не провел Оленский вдали от родины, с каким бы теплом не отзывались о нем односельчане, сосланный в Сибирь поляк всегда оставался для сибиряков «чужим».

Однако, в рассказе Р.Э.Циммермана эта чуждость носит положительный оттенок. Оленский – другой, не похожий на окружающих, «не свой», но при этом он не является изгоем. Герой сумел заслужить уважение односельчан, его инаковость вызывает у окружающих не злость, а интерес и любопытство. Даже после смерти поляка в воспоминаниях его знакомых пан Оленский остается человеком многогранным – справедливым и «куражливым»: «Справедливый был человек... Только и куражливый был старичишка. Бывало, как есть ничем не уломаешь – всё норовит по-своему, не по-людски сделать... Так сказать нужно, что чудной полячишка был...» (с. 34).

По нашему мнению, такая трактовка «чуждости» была связана с убежденностью Р.Э.Циммермана в том, что в той исторической ситуации, когда жил и его герой, и он сам, произошёл некий переворот ценностей, и как раз «чужое» и «иное» стали восприниматься как синоним «своего» и «настоящего», тогда как «своё» и «близкое» больше не пользовались доверием у думающих людей. Этот «переворот ценностей» и обозначила собою фигура своего-чужого поляка «пана Оленского».

В своем рассказе Циммерман не говорит прямо, но намекает на кардинальную смену полюсов двух противоположностей и даже показывает, через судьбу одного человека, каким образом «чужой» вдруг становится «своим». Пан Оленский рассказывает герою-повествователю о том, как в период своей молодости, выпавшей на время антироссийского восстания, в порыве злости застрелил совсем юного солдата. Взгляд умирающего юнца, не успевшего осознать, что происходит, навсегда запечатлелся в памяти поляка. Это убийство – стало поворотным моментом в духовном становлении Оленского. После этого пан уже не делил людей на друзей и врагов, в каждом встречном, даже в солдате, тюремщике или конвоиере, он в первую очередь стал видеть Человека. Тогда же его братья по оружию, испытывавшие ненависть к русским солдатам, превратились для Оленского в чужаков, людей, чья позиция стала для него противной. В это же время сибиряки, среди которых были и крестьяне, и обычные бродяги начали все больше и больше интересоваться паном. Он проникался их судьбой, сопереживал их трудностям, восхищался их стойкостью. Так, постепенно, «чужие» русские стали для Оленского «своими», в то время, как бывшие «свои» союзники превратились в чужаков.

Таким образом, опираясь на реальные исторические события своего времени, Р.Э. Циммерман сумел создать образ героя, чья судьба наглядно продемонстрировала смену оппозиций «свой-чужой», произошедшую в последние десятилетия XIX века. Через образ мыслей пана Оленского, его душевную и духовную трансформацию писателем был показан «переворот», совершившийся в умах его современников. Осмысляя бессмысленность политических и иных раздоров и сохранение человечности в условиях сибирской ссылки, Р.Э. Циммерман одним из первых в русской литературе изобразил человека, сумевшего сделать первый шаг к преодолению ставшей тягостной для культуры оппозиции «свой – чужой».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Борисова, И. З. Концепт «чужой» в русской языковой картине мира / И.З.Борисова // Вестник ИрГТУ. – 2014. – № 8 (91). – С. 219–224.

Перепёлкин, М. А. Евгений Николаевич Чириков. Самарские страницы жизни и творчества. Монография / М.А.Перепёлкин. – Самара: ООО «Слово», 2020. – 152 с.

Перепёлкин, М. А. Циммерман Рейнгольд Эрнст / М.А.Перепёлкин, Л. А. Соловьёва // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. – Москва: Большая Российская энциклопедия; Санкт-Петербург: Нестор-история, 2019. – С. 582–583.

Перепёлкин, М. А. «Политически неблагонадёжный» писатель Циммерман: попытка биографии / М.А.Перепёлкин, О. В. Пелевина // Самарский архивист. Научный альманах. Вып. 2. – Самара, 2021. – С. 34–41.

Перепёлкин, М. А. К вопросу о прототипах повести Е.Н.Чирикова «Инвалиды»: Р.Э.Циммерман / М.А.Перепёлкин, О. В. Пелевина // Нижегородский текст русской словесности: художественное постижение национальной ментальности. – Нижний Новгород: Мининский университет, 2021. – С. 295–299.

Сетько, О. А. «Польский текст» в русской литературе первой половины XX века: мифопоэтические аспекты / О.А.Сетько // Уральский филологический вестник. – 2015. – № 5. – С. 221–230.

Циммерман, Р. Э. (Гвоздев Р.). Рассказы / Р.Э.Циммерман. – Санкт-Петербург: Типография Монтвида, 1903. – 156 с.

REFERENCES

Borisova, I. Z. Koncept «chuzhoj» v russojazykovoj kartine mira / I.Z.Borisova // Vestnik IrGTU. – 2014. – № 8 (91). – S. 219–224.

Cimmerman, R. E. (Gvozdev R.). Rasskazy / R.E.Cimmerman. – Sankt-Peterburg: Tipografiya Montvida, 1903. – 56 s.

Perepyolkin, M. A. Cimmerman Rejn gold Ernst / M.A.Perepyolkin, L. A. Solovyova // Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskij slovar. – Moskva: Bolshaya Rossijskaya enciklopediya; Sankt-Peterburg: Nestor-istoriya, 2019. – S. 582–583.

Perepyolkin, M. A. Evgenij Nikolaevich Chirikov. Samarskie stranicy zhizni i tvorchestva. Monografiya / M.A.Perepyolkin. – Samara: ООО «Slovo», 2020. – 152 s.

Perepyolkin, M. A. K voprosu o prototipah povesti E.N.Chirikova «Invalidy»: R.E.Cimmerman / M.A.Perepyolkin, O. V. Pelevina // Nizhegorodskij tekst russoj slovesnosti: hudozhestvennoe postizhenie nacional'noj mentalnosti. – Nizhnij Novgorod: Mininskij universitet, 2021. – S. 295–299.

Perepyolkin, M. A. «Politicheskij neblagonadyozhnyj» pisatel Cimmerman: popytka biografii / M.A.Perepyolkin, O. V. Pelevina / Samarskij arhivist. Nauchnyj almanah. Vyp. 2. – Samara, 2021. – S. 34–41.

Setko, O. A. «Polskij tekst» v russoj literature pervoj poloviny XX veka: mifopoeticheskie aspekty / O.A.Setko // Uralskij filologicheskij vestnik. – 2015. – № 5. – S. 221–230.